

HARLEQUIN®

040

Дэбронвин Скотт

**ДОБРОПОРЯДОЧНЫЙ
РАСПУТНИК**

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Бронвин Скотт

Добропорядочный распутник

«Центрполиграф»

2012

Скотт Б.

Добропорядочный распутник / Б. Скотт — «Центрполиграф»,
2012 — (Исторический роман – Harlequin)

Эштон Бедивер – известный распутник, который может испортить репутацию быстрее, чем иные джентльмены выпивают свой бренди. После нескольких лет, проведенных в Италии, где он оттачивал свое мастерство обольщения, Эш возвращается в высший свет Лондона, конечно обгоняемый славой щедрого богача и бесстыдного развратника. Его скандальная слава заканчивается со смертью отца. Чтобы претендовать на законное наследство, Эш должен совершить неслыханный поступок – жениться! Но кто может помыслить о свадьбе с таким человеком? Точно не прекрасная Дженивра Ральстон. Ведь она создана для приличного общества. Но можно ли устоять перед очарованием и безупречными манерами бывшего ловеласа?

© Скотт Б., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бронвин Скотт

Добропорядочный распутник

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

How to Ruin a Reputation Copyright

© 2012 by Nikki Poppen

«Добропорядочный распутник»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

В тускло освещенной спальне, сама атмосфера которой была пропитана долгой и безнадежной болезнью, воцарилась угрюмая тишина.

– Завещание следует изменить. – Старый граф дернулся, словно подчеркивая натужным движением непреклонность своей воли.

– Я и в первый раз вполне расслышал ваши слова. – Маркем Марсбьюри, последние десять лет исполняющий обязанности личного адвоката графа Одли, ответил с терпением, воспитанным долгим опытом. Граф – первый клиент, пожелавший в последнюю минуту изменить завещание. Однако его требования оказались, возможно, самыми неординарными в практике видавшего виды адвоката.

– Ты не согласен с моим решением, – попытался поддеть старик. В голосе больного послышались привычные раздражительные и нетерпеливые нотки, которых не было в последние месяцы. «Возможно, это хороший знак, – с затаенной надеждой подумал Марсбьюри. – Не исключено, старику вновь станет лучше. Господь свидетель, потеря его будет настоящим ударом для графства». Однако кому, как не адвокату, ведущему дела о наследстве, знать, что накануне скорой кончины человек часто ощущает внезапный краткий прилив энергии, который иногда может продлиться один-два дня, а потом... потом ничего.

– Да, я не согласен, Ричард. – За последние десять лет с Одли они стали друзьями. – Я могу понять желание передать поместье в доверенное управление, своего рода опекуновство. После того, что произошло с Алексом, это выглядело бы вполне логично. – Марсбьюри покачал головой. – Однако вводить это странное долевое управление и передавать пятьдесят один процент ей представляется мне бессмысленным. У тебя два жизнеспособных прямых наследника, причем один из них – твой второй сын. Господь с тобой, Ричард, да она даже не британка. Американка.

– Именно в ней нуждается поместье. И она вполне доказала это за год своего здесь пребывания, – энергично возразил граф, не желая слушать критику. – Некоторое количество американского образа мышления может стать живой струей, столь необходимой этому уголку Британии. Да и она стала для меня как дочь, которой у меня никогда не было.

И даже, возможно, заменой сыну, более десяти лет не ступавшему на порог родного дома.

– Эш вернется домой, – вставил Марсбьюри, однако достал бумаги и чернильницу, принимаясь составлять документ. Ему было не понаслышке известно упрямство старого графа. Переубедить его представлялось непосильной задачей.

– Пока я жив, нет, – бесстрастно заметил Одли. – Мы поссорились, и он довольно ясно обрисовал мне свою позицию.

«Да уж, сын немногим отличается от отца», – подумал Марсбьюри, заканчивая оформлять дополнительное распоряжение к завещанию, и протянул документ графу. Адвокат придержал дрожащую руку старика, помогая вывести подпись. Некоторое время назад тот утратил способность писать самостоятельно. Однако даже с посторонней помощью его подпись выглядела едва различимой закорючкой.

Марсбьюри присыпал песком чернила на документе, чтобы не смазать текст, и аккуратно убрал завещание вместе с остальными бумагами. Привстал, ободряюще пожимая руку друга.

– В конце концов, возможно, это вовсе не понадобится. Сегодня ты выглядишь значительно лучше. – И Марсбьюри улыбнулся.

Однако его улыбка осталась без ответа.

– Нет, я настаиваю на том, что это в высшей степени необходимо, – хрипло пробормотал граф. – Я приложил все усилия, чтобы вернуть сына домой. Знаю его. То, что он не сделает для

меня, он сделает для Бедивера. Он любит Бедивера, и одной этой причины достаточно, чтобы он вернулся.

Марсбьюри кивнул, размышляя о двух других именах, упомянутых в дополнении к завещанию, дольщиках, получивших право участвовать в управлении поместьем. Весть о смерти отца вернет домой блудного сына, а осознание того, что Бедивер окружен врагами, готовыми в случае малейшего неверного шага с его стороны наложить руки на фамильную собственность, вероятно, заставит его остаться.

– Увидимся завтра, – фыркнул Марсбьюри, захлопывая бювар.

Граф слабо улыбнулся в ответ, выглядя более усталым, чем еще несколько минут назад.

– Очень в этом сомневаюсь. Если хочешь со мной попрощаться, лучше сделай это сейчас.

– Ты слишком упрям для подобных сентиментальных нелепиц, – отшутился Марсбьюри, последний раз пожимая руку старому другу.

Как бы ни был упрям четвертый граф Одли, Смерть оказалась упрямее и не явилась большим потрясением для Маркема Марсбьюри. На следующий день за утренним кофе он узнал, что незадолго до рассвета граф мирно скончался в окружении родственников и некоей Дженивры Ральстон, американки, в чьих руках отныне оказалась судьба Бедивера. Маркем приказал принести письменные принадлежности и немедленно отправил в Лондон письмо, питая искреннюю надежду, что оно достигнет Эша Бедивера и заставит его вернуться домой как можно скорее.

Глава 1

Интимные отношения с Эшем Бедивером считались одним из величайших удовольствий лондонского сезона, составлявших для многих великосветских дам его основную прелесть. Неудивительно, что леди Харгрук попыталась удержать его надутыми бантиком губками и соблазнительным видом пышной груди, будто случайно показавшейся из-под искусно задрапированных простыней.

– Уверена, несколько минут ничего не решат, – поджав губы, жеманно заметила она, позволив атласным покровам соскользнуть до бедер.

Эш продел руки в рукава сорочки и быстро оделся. Все, что еще сегодня вечером казалось привлекательным в прелестях леди Харгрук, моментально испарилось, стоило прочесть доставленную слугой записку. Эш натянул брюки и одарил даму примирительной улыбкой.

– Моя дорогая, то, чем бы я хотел с вами заняться, может продлиться далеко не несколько минут.

Обещание отложенного удовольствия оказалось достаточным. Прежде чем несколько пришедшая в себя леди успела возразить, Эш поспешил закрыть дверь, полностью сосредоточившись на одной цели – как можно быстрее добраться до Бедивера, фамильного поместья графов Одли. Какая разница, что до него три дня пути верхом? Не имеет значения, что у него нет ни малейшего представления, как поступить, когда он там окажется. Не важно, что он мог ответить на многочисленные настоятельные просьбы вернуться домой и не ответил. Все уже не важно. Ибо все изменилось. На сей раз адвокат написал лишь два отчаянных предложения: «Возвращайтесь домой. Ваш отец скончался».

Гонимый неотложной необходимостью, Эш поспешно преодолел оставшиеся несколько улочек до своих комнат на Джермин-стрит. А ведь он всегда думал, будто время еще есть.

Три дня спустя

Бог и дьявол в деталях! Эш крепко выругался и резко осадил гнедого жеребца. И это земли Бедивера? Говоря еще более определенно, земли его отца? Он с трудом узнавал поросшие сорняками поля, простирившиеся по обеим сторонам дороги, и разрушенные каменные ограды, разительно отличавшиеся от знакомых с детства плодородных полей и безукоризненных дорог. С тех пор как он въехал в Бедивер, ему сполна удалось ознакомиться с проделками дьявола, ибо промысла Божьего Эш так и не заметил. Как такое могло случиться?

Острое чувство вины в очередной раз пронзило его. Он знал ответ.

Это его ошибка, его проступок.

Полученное письмо, призывающее домой, не было единственным, но оказалось последним. Эш мог вернуться еще около четырех лет назад, задолго до того, как здесь воцарились первые признаки упадка. Мог быть дома, когда два года назад при невыясненных обстоятельствах сошел с ума брат. Однако проигнорировал настоятельные просьбы, что привело к печальным последствиям: бывшее величие Бедивера, представлявшееся ему незыблемым и нерушимым, стремительно пошатнулось, неожиданно оказавшись подвластным неумолимому бегу времени. Он медлил слишком долго, теперь же у его ног лежали жалкие руины родного дома.

В результате причудливого поворота судьбы Эш получил в управление место, откуда много лет назад так охотно бежал. Место, бывшее совершенным, в отличие от него самого, обремененного множеством недостатков. Теперь мало что сохранилось от бывшего величия, да и у него не прибавилось достоинств. Так, павший король разрушенного королевства.

Однако бессмысленно оттягивать неизбежное. Эш пустил лошадь в карьер, намереваясь скорее преодолеть оставшийся отрезок пути. Его саквояжи должны были прибыть еще вчера, возвещая о том, что и сам он на подъезде. Тетушки, вероятно, уже с рассвета на ногах, ожидая и предвкушая его приезд.

Все четверо. Теперь он их единственный защитник, роль, к которой Эш совсем не привык, просто не знал, как играть. Да, это неотъемлемая часть полученного им в наследство Бедивера. Женщины из семейства Бедивер вышли замуж за мужчин, не отличавшихся особой предусмотрительностью, чтобы после своей кончины обеспечить им безбедное существование, мужская же половина семейства не обладала достаточным долголетием, чтобы взять эти хлопоты на себя.

«Слава богу», – подумал Эш, – полузаброшенные земли поместья в какой-то мере подготовили его к картине запустения, царившего в графском особняке. Скрытый плющом фасад из желтого песчаника, некогда сиявший идеальной чистотой. Разбитые ставни второго этажа. Поросшие сорняками и дикими цветами клумбы. Казалось, природе наконец-то удалось взять верх над несовершенными творениями рук человеческих.

Много лет назад Бедивер-Холл, бывший на протяжении четырех поколений фамильным обиталищем Одли, слыл предметом особой гордости хозяев и по праву считался жемчужиной графства. Возможно, и не самый грандиозный в округе Ситон-Холл, расположенный всего в нескольких милях южнее, был значительно больше, безусловно, красивее, с прелестными садами и живописными видами. Теперь же двигавшийся рысцой Эш заметил, что от былой привлекательности родового гнезда почти ничего не осталось.

Он спешился и попытался успокоиться, подготавливая себя к тому, что может ожидать в самом особняке. Фамильный дом снаружи выглядел весьма плачевно, Эш даже боялся предположить, с чем встретится внутри, если хозяева допустили подобный упадок. Из всех слуг он увидел лишь одинокого конюшего, подскочившего взять у него поводья жеребца. С трудом подавив желание поинтересоваться у парнишки положением дел, Бедивер-младший решил разобраться во всем самостоятельно, увидеть собственными глазами.

Едва он постучал, двери немедленно отворились. Перед ним предстал Гарденер, высокий и хмурый, именно таким Эш его и запомнил. Возможно, немного более мрачный, похудевший, однако в целом совсем не изменившийся. Мальчишкой Эш находил забавным иметь дворецкого по фамилии Гарденер и чудаковатого садовника по фамилии Смит¹.

– Мистер Бедивер, добро пожаловать домой, – склонился Гарденер. – Сожалею об обстоятельствах, сопутствующих вашему приезду, сэр.

На мгновение Эш едва сдержался, чтобы не обернуться, задавшись вопросом, кто бы еще мог стоять позади, настолько формальным было приветствие старого слуги.

– Будьте любезны, проходите, сэр, – продолжал тот. – Вас ждут.

Эш проследовал за Гарденером по коридору в гостиную, подмечая в уме печальные перемены: пустые столики, изношенные ковры и портьеры. Постигшие поместье упадок и увядание чувствовались в каждой детали интерьера. Однако больше всего его потрясла пустота и запущенность. Ни горничных, начищающих лестницу, ни ливрейных лакеев, застывших в ожидании распоряжений. В доме царила непривычная тишина. Лишь Гарденер да мальчишка-конюший. Вероятно, были и еще слуги, например повар, однако на большее он не смел и надеяться.

Глубоко вдохнув, Эш задержался перед входом в гостиную. За этими дверями ожидала ответственность, которой он избегал много лет. Естественно, на то были свои причины. По злой иронии судьбы все его усилия избежать семейных обязанностей пошли прахом и груз наследия Бедиверов неожиданно опустился на его плечи.

¹ Фамилия дворецкого (Гарденер) переводится как «садовник», а Смит – самая распространенная английская фамилия, как в русском языке Иванов. (Здесь и далее примеч. пер.)

Все возвращается на круги своя, и какую бы дорогу ты ни избрал, она обязательно приведет домой.

– Вы готовы, сэр? – поинтересовался Гарденер. За долгие годы службы верный слуга хорошо изучил его характер, поэтому остановился перед входом в гостиную, давая Эшу возможность прийти в себя.

– Готов. – Или нет. Эш пожал плечами.

– Да, сэр, думаю, вы готовы. Наконец. – В глазах Гарденера мелькнула искорка одобрения и понимания.

– Очень на это надеюсь. – Эш кивнул. Он уже представил себе в лицах полный восхищения рассказ Гарденера на людской половине о поспешном приезде молодого хозяина, даже не пожелавшего привести себя в порядок после утомительного путешествия, предпочтя немедленно отправиться к престарелым тетушкам.

С самого детства Эша Гарденер был склонен видеть в нем только лучшее. Вот и сегодня вечером старый дворецкий представит его настоящим ангелом. Правда, если Эша Бедивера и можно назвать ангелом, то, несомненно, падшим. Не дай бог, кто-нибудь в Бедивере узнает, чем именно он занимался в момент получения известия о кончине отца. «Откровенный флирт» с леди Харгрув, если это можно так назвать, представлялся ему теперь равносильным безделью во время пожара Рима.

Гарденер открыл дверь и прокашлялся.

– Леди, мистер Бедивер.

Эш вступил в комнату и немедленно заметил разницу. Портьеры и занавеси в гостиной выпцвели и поблекли, однако, очевидно, здесь собрали все самое лучшее, что еще оставалось в доме. На полированных столиках вазы с цветами, диванчики украшены вышитыми подушками, а расставленные тут и там изящные безделушки создавали уютную атмосферу. Он словно увидел гостиную глазами ее обитателей, тот небольшой оазис или, скорее, бастион былого благополучия – последний оплот семейной гордости, готовый вот-вот пасть под ударами суровой реальности, оттесненной за хрупкие стены аристократического салона.

Эш обвел глазами комнату, несколько удивленный количеством присутствующих. Тетушки Петиция, Лавиния, Мелисанда и Маргарита разместились около камина рядом с незнакомым ему джентльменом. Однако его внимание привлекла сидевшая за ними дама, задумчиво уставившаяся в окно на запущенный сад. Она показалась ему необычайно красивой. Темноволосая, с большими серыми глазами, обрамленными пушистыми черными ресницами, контрастирующими со сливочным оттенком сияющей белизной кожи. Эта леди, несомненно, вызвала бы всеобщий интерес к своей персоне даже в переполненном прелестницами всех мастей лондонском бальном зале. Эш подумал, что она специально заняла место позади всех, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, практически невыполнимая задача даже при самых благоприятных обстоятельствах благодаря ее бьющей в глаза красоте. Сегодня же в гостиной, где присутствовали лишь почтенные пожилые леди и джентльмен средних лет, спрятаться оказалось просто невозможно.

Эш приблизился, отвесив тетушкам самый почтительный поклон:

– Леди, я к вашим услугам. – Однако его взгляд оставался прикованным к дальнему углу. Привлекательность молодой леди была основана не только на ее миловидной внешности. Гордый изгиб изящной шейки, полная сдержанного достоинства идеальная осанка словно кричали: «Обратите на меня внимание, я того заслуживаю». И при всей своей утонченной красоте она не производила впечатления стыдливой девственницы. Он заметил это в ее гордо выпяченном подбородке и откровенном взгляде, который она не смогла скрыть, несмотря на попытки сохранить анонимность.

Петиция выплыла ему навстречу, как всегда величавая, с белоснежными седыми волосами, исполненная сдержанного достоинства, однако немного более хрупкая, чем запомнил

Эш. За исключением юной сирены у окна они все казались более хрупкими. А ведь и она, несомненно, наблюдала за Эшем с того самого момента, когда блудный графский сын появился на пороге комнаты. Так же как и он, таинственная леди, вероятно, уже прибегла к возможным догадкам и предположениям. Эш Бедивер с ней незнаком, однако она, очевидно, обладала достаточным весом, коль скоро приглашена по случаю его возвращения в родовое гнездо. И что гораздо важнее, находится в тесном кругу домочадцев, собравшихся сразу после кончины главы семьи.

Эш немало пожил на свете и был в достаточной степени циничен, чтобы заподозрить неладное в подобном приглашении. Сразу после похорон в доме оставались только члены семьи, чтобы приватно обсудить последствия утраты, перестроить привычный уклад и продолжить жить дальше. Первые несколько недель проходили в тесном семейном кругу, постоянные не приветствовались, хотя некоторые, особенно назойливые, и являлись незваными в надежде урвать кусочек от общего пирога. Несмотря на прелести черноволосой красотки, Эш знал лишь одно слово для характеристики подобного рода персонажей – шакалы.

Петиция взяла его за руку.

– О, Эш, как хорошо, что ты приехал! Мне очень жаль, но мы не могли долго затягивать с похоронами, – мягко заметила она.

Эш кивнул. Догадался, учитывая, сколько времени скорбные вести добивались до Лондона, что с момента кончины отца прошло как минимум шесть дней. Как бы он ни старался успеть, все равно не удалось бы с ним проститься. Еще одна капля в море скорбных мыслей и сожалений об упущенных возможностях.

– Давай я тебя со всеми познакомлю. Это миссис Ральстон, наша дорогая Дженни. – Тетушка с искренним чувством указала на прелестное создание у окна. – Она стала нам настоящей опорой во время тревог и страданий.

Ему показалось, что имя Дженни мало подходит для такой леди, очень уж детское. Она поднялась и протянула ему руку, не для поцелуя, скорее для рукопожатия.

– Очень приятно наконец-то с вами познакомиться.

В голосе Эша прозвучали нотки осуждения, но были настолько искусно запрятаны, что заметить их мог только тот, кому они предназначались. Или все это лишь игра воображения, отягощенного чувством вины?

– Весьма рад, миссис Ральстон, – сухо ответил Эш. Кем бы она ни была, ей уже удалось снискать благосклонность тетушек. И он очень сомневался в том, что эта миссис Ральстон зарабатывала себе на хлеб, служа компаньонкой. Вряд ли ей бы это удалось. Весь ее облик излучал чувство собственного достоинства и уверенность в себе, сомнительно, чтобы она могла занимать подчиненное положение, кроме того, ее туалеты слишком дорогие. В простых линиях дневного шерстяного платья цвета свежей зелени чувствовалась рука высококлассного портного, кружевная отделка воротника и манжет была скромной, однако далеко не дешевой. Достаточно даже поверхностного знакомства с современным состоянием дел в Бедивере, чтобы понять, что обитатели поместья вряд ли могли позволить себе подобного рода компаньонку. Тем больше вопросов. Если она не компаньонка, то кто же?

– Дженни приобрела Ситон-Холл и затеяла там реконструкцию.

– Неужели? Что ты говоришь! Как любопытно, – вежливо откликнулся Эш, однако его подозрения заработали с новой силой. Вероятно, аппетиты миссис Ральстон не ограничивались только соседним имением. Весьма необычно для леди брать все обязанности по управлению поместьем на себя. Возможно, где-то дома существует еще и мистер Ральстон? Петиция не упомянула об этом при представлении, да и в дальнейшем никакой информации не последовало. Следовательно, молодая вдова. Любопытно. Молодые вдовы очень часто обладали исключительно интересной предысторией, которая совсем не обязательно предусматривала реальное замужество.

Петиция решила продолжить процедуру знакомства.

– Этот джентльмен – адвокат твоего отца, мистер Марсбьюри. Он любезно согласился побыть с нами до твоего приезда, чтобы уладить все дела, связанные с управлением поместьем.

Эш протянул руку, оценивающе рассматривая мистера Марсбьюри, пожилого джентльмена с широким, чуть красноватым лицом, который напоминал Эшу сельского сквайра.

– Благодарю вас за своевременное уведомление.

Надеюсь, затянувшееся пребывание здесь не доставило вам больших неудобств.

Манера поведения Марсбьюри оказалась столь же сухой и твердой, как и рукопожатие.

– Никаких неудобств. Напротив, мне имело смысл дожидаться вас, поскольку все остальные заинтересованные стороны здесь уже присутствуют.

Эш одарил Дженни холодным взглядом. Незнакомая красotka нацелилась на отцовское имение? Калейдоскоп неблагоприятных вероятностей дальнейшего развития событий пронесся у него в голове. Вдова... или... любовница, которую отец решил завести себе на склоне лет? Надеется получить содержание, чтобы продолжать вести безбедное существование?

О, обладая этой прелестной копной блестящих черных волос, гордо вздернутым подбородком и прочими прелестями, мнимая миссис Ральстон, без сомнения, могла ввести в искушение любого мужчину. Так с уверенностью заключил Эш. Каких-то тридцать лет разницы в возрасте уже не имели особого значения. Он вопросительно поднял бровь.

– И кто же еще принадлежит к этим *сторонам*?

Марсбьюри спокойно встретил его взгляд.

– Ваш кузен, Генри Беннингтон.

Эш почувствовал подозрительный холодок где-то в районе желудка.

– А какое отношение к происходящему имеет мой кузен Генри?

– Генри оказывал нам всем огромную поддержку несколько последних месяцев, – отозвалась красotka, не покидая своего места у окна. Эшу показалось, будто он заметил в глубине ее прекрасных серых глаз промелькнувшую резкую эмоциональную вспышку. Ого, миссис Ральстон воспыкала чувствами к Генри? Тому самому Генри с голубыми глазами, золотистыми волнистыми волосами и повадками умелого манипулятора?

Эш невозмутимо взглянул на нее в ответ:

– Прошу простить мое возможное недоверие. Однако, насколько мне известно, единственное положительное качество дорогого кузена Генри, помимо страсти к собиранию литературы, – статус ближайшего наследника моего отца по мужской линии в том случае, если тот умрет, не оставив прямых потомков мужского пола. Перспектива, которая, уверяю вас, весьма бы устроила милейшего Генри. – В особенности, как стало известно Эшу из последних лондонских сплетен, после того, как его старший брат Алекс выбыл из числа претендентов, а его образ жизни грозил привести к печальному концу от руки какого-нибудь ревнивого супруга-рогоносца.

Марсбьюри сложил руки на широкой груди и кашлянул, выказывая недовольство последней репликой Эша.

– Мистер Беннингтон и миссис Ральстон присоединятся к нам в кабинете, где мы сможем обсудить все в частном порядке.

Эш заметил, как миссис Ральстон удивленно подняла голову, хотя быстро справилась со своими чувствами. Так, значит, завещание?

Эш Бедивер хмуро посмотрел на Марсбьюри и произнес командным тоном:

– Уверен, это действительно необходимо.

Итак, при оглашении завещания будут присутствовать все трое. Да уж, не слишком похоже на *ménage à trois*², отношения, в последнее время ставшие столь привычными Беди-

² Любовный треугольник, любовь на троих (*фр.*).

веру, но динамика та же – два к одному. Эш невольно задавался вопросом: не задумала ли что-нибудь эта очаровательная миссис Ральстон на пару с Генри? Ее немедленная готовность встать на защиту его кузена наводила на подозрения.

Однако, какую бы паутину ни сплел дражайший родственник в его отсутствие, Эш определенно намеревался дать всем понять, что ни Генри Беннингтон, ни темноволосая милашка американка не имеют здесь никакой власти. Эш Бедивер дома!

Глава 2

Итак, загадочный мистер Бедивер вернулся. Преисполненная предвкушениями комната буквально гудела от напряжения, несмотря на то что предмет всеобщего оживления удалился в кабинет вместе с Марсбьюри. Стоит отметить, Дженивра не сильно расстроилась, заметив, что Эштон уходит. Всего за несколько минут он заставил ее понервничать так, как до того удавалось лишь очень немногим. Необходима передышка, надо собраться с мыслями и прийти в себя после заявления адвоката.

Дженивра снова посмотрела в окно, давая тетушкам некоторое время, чтобы успокоиться. Бедивер относился к тому типу мужчин, которые, куда бы ни пришли, неизменно вызывали самые разнообразные эмоции. Его прямая гордая осанка словно излучала силу и уверенность. Тем не менее она уже встречала в своей жизни сильных мужчин. Гораздо больше ее беспокоила его неприкрытая чувственность. Он не просто уверен в себе, а необыкновенно соблазнителен. Демонически черные густые волосы казались небрежно взлохмаченными, взгляд желтовато-зеленых нефритовых глаз был твердым, как камень, который они так напоминали. Когда Бедивер смотрел на нее, создавалось впечатление, будто он хочет проникнуть в ее самые потаенные мысли, от силы и остроты такого взгляда по спине бежали мурашки.

Если ей удастся благополучно пережить оглашение завещания, она приложит максимум усилий, чтобы избежать общения с Бедивером. Вероятно, уже и сейчас в Ситон-Холле отремонтировано достаточно комнат, чтобы переселиться туда. Это определенно поможет держаться от него подальше.

– Мы должны устроить небольшой прием! – оживленно воскликнула Лавиния, обращаясь к присутствующим. – Повар приготовит фазана, и мы расставим цветы на большом столе в столовой.

Прием, на котором мистер Бедивер станет почетным гостем. Дженивра отвернулась от окна, ее надежды на то, что удастся быстро и незаметно удалиться, оказались не вполне выполненными.

Мелисанда вздохнула:

– Ты думаешь, мы можем себе это позволить? Ведь сейчас траур.

– Всего лишь небольшой частный прием, никто и не узнает. Мы же не собираемся устраивать танцы, – успокаивающе заметила Лавиния. Она протянула Дженивре сморщенную ручку, покрытую тонкой синей сеткой кровеносных сосудов. – Разве наш племянник не красавчик? Я же тебе рассказывала.

Дженивра улыбнулась и сжала хрупкую пергаментную руку. Если дамы захотели праздника, она обязательно его им устроит. Последние месяцы жизни тяжелобольного графа нелегко дались всем домочадцам, а ведь тетушкам уже за семьдесят. Совершая ежедневные конные прогулки, она старалась навещать их по-соседски и в итоге решила совсем переехать в Бедивер зимой, помогать пожилым леди, пока реставрируется Ситон-Холл. К тому времени в Бедивере уже поселился Генри, и Дженивра вовсе не кривила душой, заявляя Эшу о том, что его кузен оказал им огромную поддержку, чего совсем не скажешь о графском отпрыске.

Вероятно, именно надежды на получение долгожданного наследства стали приманкой, вернувшей наконец мистера Бедивера домой. Как бы то ни было, теперь он здесь. Правильно оценив лондонского повесу, Дженивра приняла решение держаться от него подальше.

Кто предупрежден, тот вооружен. Ей и так едва удалось собрать по крупичкам разрушенную вдребезги жизнь. Урок пошел впровод. Она больше никогда не позволит безнравственному красавцу сломать ей судьбу.

* * *

«Однако в кабинете становится как-то чересчур многолюдно», – цинично подумал Эш. Едва он усадил миссис Ральстон, как вошел Генри и с широкой улыбкой направился к нему, протягивая руку:

– О, кузен Эш, как хорошо, что ты приехал!

Эш ни на секунду не поверил этой улыбке. В свое время Генри приложил руку к большинству неприятных происшествий, когда-либо случавшихся с ним и старшим братом. У дорогого кузена вошло в привычку взваливать на других ответственность за свои проступки.

– Тетушка Петиция уже успела сообщить мне тоже самое, – сухо ответил Эш. Неужели они в этом сомневались? Бедивер не шелохнулся, чтобы пожать протянутую руку, и с удовольствием отметил, что Генри даже чуть опешил от его неучтивости.

Кузен отвернулся и взял стул, нервным движением потирая руку о штаны.

– Я бы и раньше мог спуститься поприветствовать тебя, но был занят решением некоторых проблем, касающихся управления поместьем.

– Это мой дом, кузен, и я не нуждаюсь в приглашениях. – Эш вовсе не намерен терпеть отношение к себе как к гостю в собственном доме. Более того, совсем не нравилось, что Генри, похоже, уже успел осесть здесь и прибрать к своим рукам управление имением. Пора прекратить эту комедию.

Эш решил немедленно перейти к делу и недвусмысленно показать, кто здесь хозяин.

– Марсбьюри, приступайте к своим обязанностям.

Адвокат водрузил на переносицу пенсне и положил руки на стол.

– Джентльмены, миссис Ральстон, вам хорошо известны обстоятельства этого не совсем обычного дела. Граф скончался, его старший сын страдает душевным недугом и не в состоянии управлять поместьем. Безусловно, титул переходит к законному наследнику. Будь тот умственно полноценным или нет, он все равно считается пэром королевства. Александр Бедивер – пятый граф Одли вплоть до своей смерти. Если же он умрет, не оставив законнорожденного сына, титул перейдет к вам, мистер Бедивер. Все это в порядке вещей. В данном случае встает вопрос относительно поместья. – Марсбьюри оглядел присутствующих, чуть опустив очки на нос. – Настоящее положение дел таково, что ныне здравствующий граф не может ни управлять им, ни решать финансовые вопросы.

Эш внимательно вслушивался в слова адвоката. Он знал, титул не может перейти к нему, впрочем, и не хотел этого. Его вполне устраивало положение мистера Бедивера, лондонского Казановы. Правда, сейчас он явственно ощутил сгустившиеся над Бедивером тучи. В животе вновь поселился неприятный холодок.

Застывшие по обе стороны от него миссис Ральстон и Генри пытались унять собственные чувства. В глазах кузена отразилось едва сдерживаемое ожидание, а руки миссис Ральстон побелели и судорожно вжались в подлокотник кресла. Генри казался возбужденным, миссис Ральстон скорее озабоченной, даже встревоженной и безуспешно пыталась это скрыть.

Марсбьюри продолжал:

– Покойный граф обратился с прошением к короне, чтобы после его кончины было позволено оформить опеку над поместьем, но на условиях, несколько отличных от регентства, имевшего место во время болезни короля Георга III. Высочайшее соизволение было получено за несколько месяцев до смерти графа Одли. Согласно новому положению об опеке, ваш отец получил право назначить любого управляющего или опекуна, которого сочтет возможным.

– Что это, черт возьми, означает? – воскликнул Эш.

– Это означает, кузен, что Бедивер, говоря простыми словами, может достаться кому угодно. – Генри сделал вид, будто он само безразличие.

Марсбьюри прокашлялся, не одобряя подобного вольного пересказа.

– Не совсем так, мистер Беннингтон. Думаю, многое прояснится, если я оглашу завещание. – Адвокат достал из небольшого саквояжа пачку бумаг и начал читать: – «Я, Ричард Томас Бедивер, четвертый граф Одли, будучи в здравом уме и трезвой памяти, двадцать четвертого января года одна тысяча восемьсот тридцать четвертого...»

Эта дата приковала к себе внимание Эша. Дополнения к завещанию оказались совсем новыми. Отец внес изменения всего за день до смерти. Бедивер окинул Генри изучающим взглядом. Мог ли дражайший кузен уговорить отца сделать что-нибудь абсурдное? А миссис Ральстон? Больной разочарованный старик – легкая жертва. Возможно, в отца вцепилась жадными когтями целая стая падальщиков.

Первая часть завещания касалась уже озвученных Марсбьюри вопросов относительно наследования титула. Эш полностью погрузился во вторую часть документа.

– «При жизни Александра Бедивера поместье Бедивер переходит в доверенное управление под началом следующих опекунов, участие коих в управлении оным определяется в соответствии с нижеследующими установлениями: моему сыну, Эштону Бедиверу, с которым я поссорился и более не виделся с того самого прискорбного события, я завещаю сорок пять процентов поместья, полагая, что это пробудит в нем большую ответственность. Моему племяннику, Генри Беннингтону, я завещаю четыре процента поместья в надежде на то, что он поймет, что его заслуги оценены по достоинству. И наконец, Дженивре Ральстон, ставшей мне названной дочерью в мои последние дни и вдохновившей меня своим видением прибыльного хозяйства, я завещаю пятьдесят один процент поместья».

Эш замер, осознав подтекст волеизъявления покойного отца. Груз ответственности за поместье, который он был уже готов столь неохотно взвалить на себя, внезапно свалился с его плеч. Вот только Эш вовсе не почувствовал облегчения. Скорее гнев. Обиду. Неужели отец решил, будто непутевый сын хотел именно этого? Или же покойный граф Одли пришел к иным, гораздо менее альтруистическим выводам? Следует подумать над его мотивами позднее. А сейчас в голове бешено прокручивались возможные варианты развития событий, связанные с внезапно объявленным тройственным опекунством. Желал ли отец, чтобы он заключил союз с Генри?

Но четыре процента Генри ничем не могли ему помочь. Соглашение с кузеном о совместных действиях дало бы Эшу только сорок девять процентов. Несомненно, в планы покойного графа не входило примирение сына с кузеном. Это лишь в очередной раз подтверждало давнюю убежденность Бедивера в далеко не блестящих личностных качествах Генри, а также тот факт, что и отец подозревал червоточину в любезном племяннике. О том же буквально кричал и неестественно-красный цвет лица Генри, выглядевшего так, будто его вот-вот хватит удар.

– Четыре процента? И все? После того, что я сделал за этот год? – взорвался Генри. – Да я потратил целый год своей жизни, приехав сюда и ухаживая за ним.

– Никто не просил вас совершать подобных поступков, – спокойно заметил Марсбьюри. – Вы ведь решили присмотреть за дядей из чувства семейного долга, а не понуждаемы беспочвенными ожиданиями?

Удачно он его поддел! По мнению Эша, Марсбьюри заработал на свой счет несколько очков. Генри бросил сердитый взгляд и поднялся, поспешно покинув кабинет под предлогом срочной встречи в другом месте. Осталась лишь миссис Ральстон. Скромно потупившись, она успешно скрывала свои мысли и чувства. А ведь американка только что унаследовала, хотя и временно, контрольную долю в управлении английским поместьем. Была ли она потрясена? Или испытывала скрытое торжество от того, что все сложилось так, как она, возможно, тщательно планировала?

– Миссис Ральстон, я бы хотел перекинуться парой слов с мистером Марсбьюри, – обратился к ней Эш, предполагая, что она достаточно хорошо воспитана, чтобы распознать скрытый намек на столь необходимое уединение. Красотка оправдала его ожидания.

– О да, конечно. До свидания, мистер Марсбьюри. Надеюсь, мы еще с удовольствием встретимся с вами по более приятному поводу.

Похоже, миссис Ральстон и сама с облегчением воспользовалась поводом покинуть кабинет. Возможно, ей не терпелось удалиться в свою спальню и исполнить победный танец, получив наконец долгожданное состояние. Или не могла дожидаться okazji, чтобы сбежать и отпраздновать это событие с Генри во время его предполагаемой «встречи». Вместе они смогут управлять Бедивером, по крайней мере при жизни Алекса, которая, как Эш справедливо надеялся, обещала быть долгой. От его математически настроенного в данный момент сознания не ускользнуло то обстоятельство, что пятьдесят один плюс четыре процента дадут Генри значительно больше возможностей контролировать дела поместья. Конечно, сорок пять процентов плюс пятьдесят один на порядок увеличат шансы Эша на единоличное управление.

Становилось очевидным: кто бы ни пожелал управлять Бедивером, ему придется иметь дело с миссис Ральстон. Наверное, его отец и в самом деле был очень высокого мнения об этой «вдовушке».

Марсбьюри отложил бумаги и хладнокровно сложил руки перед собой, будто ему каждый день приходилось объявлять графским сыновьям о том, что их законные права значительно урезаются отцовским завещанием.

– Мистер Бедивер, думаю, поразмыслив, вы увидите в завещании больше положительного, чем вам это сейчас представляется. В случае преждевременной кончины вашего брата вы полностью наследуете поместье, тогда как миссис Ральстон имеет лишь временные права на владение.

Как же ошибался Марсбьюри, произнося бесполезные заверения! Эш едва поборол сильное желание перегнуться через стол и схватить адвоката за лацканы сюртука, несмотря на положительное впечатление, сложившееся об этом джентльмене.

– Вы хотели меня утешить? Напрасно, ибо, уверяю вас, я вовсе в том не нуждаюсь. Ничего на свете я не желал бы больше, чем долгой жизни отцу и возвращения здравого рассудка брату.

– Мистер Бедивер, я вижу, вы разочарованы.

– Должен заметить, слово «разочарован» будет небольшим преувеличением, мистер Марсбьюри. Давайте говорить начистоту. Да, я зол как черт, если быть предельно точным. Никому не позволено брать то, что принадлежит мне, ни выскочке-американке, обманом проникшей в мою семью, ни моему дорогому кузену.

Еще во время их детства и юности Генри своим поведением и манерами всегда напоминал Эшу затаившуюся в густой траве гадюку. Кузен не просто наложит руки на Бедивер, он опустошит и пустит по ветру имение буквально через год.

Очевидно, большинство клиентов Марсбьюри мирно принимали плохие новости. Не представляя, как реагировать на подобную несдержанность, старый адвокат снова прокашлялся и выразительно посмотрел на бумаги. Похоже, достойный джентльмен определенно страдает чахоткой. «Если старик Марсбьюри еще раз закашляет, – подумал Эш, – я прыгну на него через этот чертов стол!»

– Уж не думаете ли вы, будто я не понимаю, чего добивался мой отец? – Эш пригвоздил адвоката к месту недобрый взглядом. – Он задумал заключение брака, не сказав ни слова. Тот, кто возьмет в жены миссис Ральстон, по праву законного супруга получит контроль над ее долей в управлении поместьем.

– Это всего лишь ваше надуманное предположение, – твердо заявил Марсбьюри.

– Очень скоро оно осенит и Генри, – холодно заметил Эш. Кузен не отличался остротой ума. – Предстоит захватывающее состязание, победитель которого поведет к алтарю прелест-

ную американку. – Он замолчал в задумчивости. Человеку свойственно руководствоваться в своих поступках скрытыми мотивами, и старый граф не был исключением. – Не могли бы вы поведать мне, мистер Марсбьюри, зачем это моему отцу?

Марсбьюри опять неловко прочистил свою чертову глотку.

– Бедиверу необходима богатая наследница, сэр.

Объявление адвоката стало последней каплей.

Эш почувствовал, как эти тихие слова пронзили его насквозь. Бедивер банкрот? Как это возможно? Его отец всегда строго и аккуратно распоряжался капиталом. Порой даже слишком строго, с точки зрения молодого человека, привыкшего вращаться в лондонском обществе. При этом «сундуки» Бедивера всегда были полны.

– Насколько плохи дела? – Он никак не ожидал подобного исхода. Однако сложно предсказать и необходимость соперничества с Генри за свое собственное наследство.

Марсбьюри твердо встретил его взгляд, отвечая намеренно равнодушно:

– Фамильное состояние пропало. Ваш брат рискнул и потерял его несколько лет назад в одном неоправданно рискованном земельном вложении, которое оказалось аферой.

– Скандал с островом Форсит? – недоверчиво воскликнул Эш. Три года назад лондонский деловой мир взорвало известие об этой земельной авантюре. Подробности скандала смаковали все газеты. Доли владения этим Карибским островом были распроданы торговцам и аристократам, желавшим вложить деньги в собственность в Новом Свете. Проблема заключалась в том, что остров, хотя и существовал, оказался сильно заболоченным и зараженным всевозможными тропическими заболеваниями. Собственность наличествовала, но ничего не стоила. Эш знал людей, которые потеряли деньги в связи с этим скандалом, однако и представить себе не мог, что брат окажется втянутым в это. Алекс был слишком умен и осторожен, чтобы позволить себе подобные безрассудные выходки.

Марсбьюри согласно кивнул:

– Это и явилось главной неудачей.

Адский пламень, значит, были еще и другие? Его вновь охватило тягостное чувство вины. Если бы, получив первое извещение, Эш вернулся домой, возможно, ему удалось бы вовремя остановить брата. Три года назад... Значит, это случилось непосредственно перед душевным заболеванием Алекса. Вероятно, умственные способности брата повредились уже тогда, иначе как бы тот согласился на столь рискованное и непредсказуемое капиталовложение?

– Вы уверены, что ничего не осталось? – спросил Эш.

– Я просмотрел все конторские книги. Мистер Беннингтон просмотрел книги. Каждый камень в Бедивере был подвергнут тщательному изучению на предмет возможности извлечения прибыли.

«Генри просмотрел книги?» Генри знал финансовое состояние поместья вплоть до фартинга и ничего не предпринял? Осознавая это, возмущаясь поступком кузена, Эш внезапно почувствовал себя ханжой. За годы упадка Бедивера он сам не пошевелил и пальцем, чтобы улучшить положение родового поместья. И все-таки преступление Генри хуже. Эш не был осведомлен о нависшей над домом угрозе, а кузен позволил ей стать реальностью.

– Могу ли я оспорить завещание?

Марсбьюри вздохнул и покачал головой:

– Конечно, вы можете начать судебный процесс, только ваш отец получил специальное дозволение короны. Кроме того, известны вполне законные прецеденты, какой бы необычной ни была данная ситуация. Я определенно считаю, что возможное судебное разбирательство стало бы лишь напрасной тратой времени и сил.

– Сил, которые лучше потратить на ухаживания за миссис Ральстон? – с изрядной долей сарказма заметил Эш.

– Да, если хотите сохранить Бедивер.

Опустив руки, Эш судорожно сжимал и разжимал кулаки, надеясь взять под контроль свой взрывной темперамент. А ведь в завещании присутствовал слабый намек на то, что он мог и не брать на себя ответственность за Бедивер, если ему не хочется, оставить поместье на миссис Ральстон и Генри. Бедивер все равно сохранится в семейном владении, и, возможно, американская предприимчивость миссис Ральстон защитит его от врожденной глупости Генри.

Эш вздохнул. Пришло время поговорить о прекрасной американке.

– Чем же отличилась миссис Ральстон, чтобы снискать благорасположение отца? Уж не думала ли она вплоть до самого последнего момента женить его на себе, а когда затея провалилась, решила повлиять на волю смертельно больного старика, обеспечивая свое мнимое состояние? – Тон мистера Бедивера не оставлял сомнений, какого рода «влияние» он подразумевал. То самое, которое женщины имели на мужчин со времен Евы.

Марсбьюри, которому удавалось оставаться профессионально беспристрастным на протяжении всего этого весьма непростого разговора, выглядел смущенным предположением Эша. Это был джентльмен старой закалки, способный откровенно обсуждать денежные проблемы с мужчинами, однако не привыкший распространяться относительно клеветнических намеков на представительниц прекрасного пола.

– Мистер Бедивер, если бы миссис Ральстон захотела, могла бы десять раз купить и перекупить Бедивер. – Тон Марсбьюри оставался холодным, когда тот собирал бумаги в саквояж. – Уверю вас, ее мнимое состояние очень весомо.

– Вы должны меня понять, все произошедшее для меня настоящее потрясение. – И он спокойно выдержал осуждающий взгляд адвоката.

Марсбьюри снял пенсне и откинулся на спинку кресла.

– Потрясены вы или нет, все сводится к общему знаменателю. Вы, мистер Бедивер, испытываете сильную нужду в богатой наследнице. И вот появляется таковая, практически ваша соседка, обладающая судовой компанией и сотнями тысяч фунтов личного состояния. На вашем месте я бы счел это большой удачей.

– В этом и заключается различие между нами, Марсбьюри. – Эш смерил адвоката тяжелым взглядом. – Я бы назвал это подозрительным.

Цепь событий начинает напоминать какой-то заговор: поместье, которому позволили обанкротиться, внезапно пропавшее в результате рискованной финансовой аферы фамильное состояние, измененное в последний момент завещание и богатая американская наследница, находящаяся под влиянием Генри.

Эш не мог не задаваться логичным вопросом: кто виноват в сложившейся ситуации? Миссис Ральстон? Генри? Действуют ли они заодно? Возможно, Эш просто слишком циничен. Возможно, автор заговора – его отец, последний раз попытавшийся призвать к порядку непутевого сына. Покойный граф бросал ему вызов даже со смертного одра. Женитьба на женщине, которую выбрал отец, могла стать платой за Бедивер, за его отчаянное стремление к свободе, за все, что пришлось оставить в прошлом. В данном случае уже не важно, чей это заговор. Единственное, что имело значение, – его личный выбор. Решится ли он продать себя, заключив брак по расчету ради спасения Бедивера?

Глава 3

Да уж, в этом все тетушки. Их приготовления оказались шиты белыми нитками, и Дженивра прекрасно поняла, что они задумали. В голове милых старушек уже звучал перезвон свадебных колокольчиков. Она бы сделала все что угодно для радости и спокойствия почтенных леди, но только не это. Менее всего Дженни нуждалась сейчас во внимании мужского пола, пусть даже этот конкретный представитель оного обладал широкими мускулистыми плечами и болотно-зелеными глазами.

Дженивра в последний раз расправила юбки вечернего наряда, прежде чем войти в гостиную. Платье из блестящего серо-голубого шелка было одним из ее самых любимых, а сейчас ей хотелось чувствовать себя уверенно, чтобы смело встретить пронизывающий взгляд мистера Бедивера и романтические надежды почтенных леди.

Ужин обещал стать вежливой битвой двух противостояний, даже если бы их не разделял вопрос принадлежности поместья. Содержание завещания оказалось совершенно неожиданным. Ни разу старый граф не позволял себе сделать ни малейшего намека относительно своего решения. Да, он был заинтригован американской практикой ведения дел, о которой она ему неоднократно рассказывала, и относился к Дженивре с большим уважением. Однако завещать ей контрольную долю в управлении крупным поместьем... Это просто не укладывалось у нее в голове.

Она, безусловно, ценила честь, которую оказал ей почтенный хозяин поместья, и готова была приложить максимум усилий, чтобы ее оправдать. Он стал для нее почти отцом, когда она оказалась одинокой в чужой стране. Однако взять на себя управление Бедивером означало столкнуться со многими другими сложностями, не последняя из которых ожидала сейчас по другую сторону дверей гостиной. Мистер Бедивер, похоже, не выглядел счастливым или довольным сложившимся положением дел.

Дженивра вошла в комнату, ее взгляд мгновенно приковался к стоящему у камина мужчине. Несомненно, старый граф не мог не предположить неизбежные сложности, которые возникли бы в связи с передачей ей пятидесяти одного процента долевого управления поместьем. Он же едва ли не делал ее мишенью своего непокорного сына, если тот решит вдруг проявить интерес к Бедиверу. Ей нравилось думать, будто она прицельно смотрит на блудного отпрыска в надежде отыскать слабые стороны врага, однако не могла не признать, что обратила бы внимание на него в любом случае. Да и как иначе? Он стоял, внимательно изучая комнату, изучая ее, словно король с высоты трона. После того как мистер Бедивер смыл с себя всю грязь и пыль утомительного путешествия верхом, ореол власти и внутренней силы, окружавший его, не только не погас, а разгорелся с новой силой. Прежде всего обращали на себя внимание его руки. Длинные изящные пальцы держали бокал аперитива в манере, которая навевала самые неподобающие фантазии. Дженивра не могла удержаться от мысли о том, что еще он мог делать этими руками.

О, довольно многое, если верить его глазам. Она позволила себе рассматривать его слишком долго, и он поймал ее за этим занятием. Дженивра покраснела. Появившаяся на его губах медленная улыбка сказала ей, что таинственный мистер Бедивер еще заставит ее за это заплатить. Она отвернулась от его лица с прямым греческим носом, однако с неприятным удивлением обнаружила, что глаза невольно продолжают путешествие вдоль его атлетически вылепленного тела. Господи, она не должна позволять себе подобное, более того, ни одна уважающая себя леди не может смотреть туда, где очутился в итоге ее взгляд. Дженивра попыталась снова взглянуть ему в лицо, в конце концов именно так нормальные люди смотрят друг на друга.

Когда же он заговорил, без малейшего намека на враждебность, тон его более приличествовал спальне, чем гостиной.

– Миссис Ральстон, позвольте мне должным образом поприветствовать вас в Бедивере. К сожалению, раньше у меня не было времени.

С тем же успехом он мог бы произнести: «Позвольте поприветствовать вас на пути греха». Интересно, скольких женщин он соблазнил этим голосом? Дженивра никогда ранее не встречалась со столь очевидно выраженной мужской сексуальностью. Хотя и очень хорошо понимала, что это опасно. И все равно ее влекло к нему, словно металлические стружки к магниту.

Многолетняя практика исполнения обязанностей хозяйки в доме отца, а потом и Филиппа спасла ее от неловкой паузы.

– Я рада с вами познакомиться, мистер Бедивер. Ваши тетушки много о вас рассказывали.

Дженивра исполнила изящный реверанс, намереваясь и далее делать все, что в ее силах, чтобы порадовать тетушек. Сегодняшний вечер должен стать особенным. Почтенные леди оделись в свои лучшие шелковые бальные платья. Несмотря на то что эти туалеты знавали лучшие дни, настроение дам было на высоте. Тетушки, она сама и Генри заслуживали небольшого праздника. Генри! Дженивра словно очнулась от внезапного оцепенения.

Она была настолько сбита с толку привлекательным новым знакомым, что даже не осознавала отсутствия Генри.

– А мистер Беннингтон разве к нам не присоединится? – И виновато обвела глазами комнату на случай, если вдруг его не заметила. Хотя вряд ли кто-нибудь мог упустить из виду Генри, золотоволосого красавца с приятными, располагающими к себе манерами.

– О нет, дорогая, Генри сегодня приглашен на ужин с нашим викарием, мистером Брауном, и его семейством, – успокоила ее Петиция.

Дженивра нахмурилась, пытаясь вспомнить это приглашение.

– Вчера, когда мы ходили на прогулку, мистер Беннингтон ничего не сказал о предстоящем ужине. – И викарий словом не обмолвился об этом событии, а ведь они заходили к нему домой передать кое-какие вещицы для приходского собрания рукодельниц.

Петиция легко отмахнулась от нее:

– Генри упомянул, что приглашение пришло сегодня днем совершенно неожиданно. Но, бог мой, не расстраивайся, дорогая, ведь здесь Эш.

Больше Дженивре не удалось промолвить ни слова, поскольку Гарденер объявил о начале ужина. На мгновение Дженни показалось, что темноволосый бог, опиравшийся на каминную полку, готов предложить ей руку и сопроводить к столу. Однако Бедивер повернулся к Петиции:

– Вы позволите, тетушка?

Величаяя Петиция хихикнула, как молоденькая девушка.

– О, прошло много лет с тех пор, как кто-нибудь сопровождал меня на ужин, юный негодник. – Она приняла его руку и, подмигнув, заметила: – Но ведь у тебя две руки, не так ли, мой мальчик?

– Миссис Ральстон, не окажете ли вы мне честь? – В своем элегантном вечернем костюме он являл собой воплощение этикета и благородных манер, однако в его глазах не было и капли приличия. Взгляд, казалось, пронзал ее насквозь, причем у Дженивры возникло непередаваемое и весьма некомфортное ощущение, будто мысленно он уже снял с нее всю одежду.

Парадная гостиная Бедивера буквально преобразилась. Длинный обеденный стол был сервирован фамильным фарфором и хрусталем, в центре возвышалась ваза с цветами, выращенными в теплице Лавинии.

В мягком располагающем свете мерцающих огоньков свечей можно было забыть все недостатки несколько потрепанного временем и отсутствием средств окружения. Дженивре подумалось, что в атмосфере неумолимо ощущалось былое величие Бедивера, создавая пред-

ставление о том, как выглядело это поместье в более благополучные и счастливые годы. Мистер Бедивер рассадил их за столом, предложив ей занять место по левую руку от себя, а Петиции по правую. «У лукавого дьявола превосходные манеры», – не могла не признать она. Однако манеры и привлекательная наружность лишь усиливали опасения. Филипп производил сходное впечатление, а ее опыт убедительно доказал, что за красивой внешностью могло скрываться далеко не самое прекрасное содержание.

– Вам нравится Ситон-Холл, миссис Ральстон? – вежливо поинтересовался мистер Бедивер, когда перед ними поставили густой раковый суп.

Дженивра улыбнулась. Ситон-Холл был одной из ее самых любимых тем.

– Очень. Осталось еще кое-что доделать в садах, я надеюсь завершить все работы к лету. – Сады должны были стать первым шагом по пути превращения Ситон-Холла в туристический бизнес. Если мистер Бедивер пожелает, она вполне сможет устроить здесь то же самое, что непременно позволит поместью стать более окупаемым. И в самом деле, он не должен возражать. Родовое поместье пребывало в упадке, а его более чем десятилетнее отсутствие красноречиво свидетельствовало о том, что он не собирается здесь жить. Хозяйственный эксперимент вряд ли нарушит его планы.

Бедивер приподнял бровь, окидывая девушку многозначительным взглядом.

– Разве вы не собираетесь перебраться в Лондон на время сезона через месяц-другой? Мне представлялось, светские развлечения, которыми может похвастаться столица, гораздо более привлекательны, особенно после долгой зимы в деревне.

Перед ней вовсе не стояла задача пребывания в Лондоне, тем более здесь необходимо еще столько всего успеть. Дженивра так долго утешала себя подобными соображениями, что со временем и сама поверила в их правдивость. Кроме того, со стороны могло показаться, что единственным поводом перебраться в Лондон для леди в ее положении является желание найти себе мужа. Вращаясь в лондонском свете, она, несомненно, привлекла бы внимание к своей персоне, и кто-нибудь обязательно выставил бы на всеобщее обозрение подробности давнего скандала. Дженивра пожала плечами и произнесла с показным равнодушием:

– Лондон меня мало привлекает, мистер Бедивер. – Особенно надоедливые лондонские холостяки. Краткий опыт замужества оказался настолько занимательным, что не вызывал желания его повторить.

Он остановил на ней взгляд и, внимательно рассматривая, прикрывшись бокалом, удерживал с ней контакт глазами несколько дольше, чем позволяли приличия. Когда же заговорил, его слова показались тщательно продуманными и вызвали всеобщий интерес.

– И почему же, миссис Ральстон? Лондон считается одним из самых прелестных городов мира. Сам же я прожил здесь уже несколько лет, и для меня его бывшее очарование несколько притупилось. Я заскучал...

Дженивра ощутила смутное подозрение, что он ее испытывает, проверяет. И если она не перехватит инициативу, непременно последуют новые вопросы, которые ей не понравятся.

– О да, в самом деле! Не можем же мы все жить в Лондоне? Кому-то надо и в деревне хозяйством заниматься.

Темные брови едва заметно приподнялись, словно одобряя ее тонкий выпад.

– Touché³, миссис Ральстон, – прошептал он ей на ухо, оставляя только гадать, принесла ли ей эта робкая атака больше вреда, чем пользы.

Дженивра перевела внимание на тетюшек. Беседовать с ними значительно проще, чем с их племянником, однако, несмотря на смену круга общения, она продолжала ощущать на себе пронизывающий взгляд Бедивера, словно пытавшегося прочесть ее самые сокровенные мысли, интуитивно полагая, что ответы, которые она высказывала вслух, лишь жизнерадостная

³ Задетый, затронутый (*фр.*). В фехтовании этот французский термин означал, что удар поразил соперника.

ширма, за которой таилась правда. Но ведь это просто невозможно! Они только что познакомились. Не мог же он догадаться, что тихие воды благочестивой стаффордширской глубинки стали для нее убежищем, единственным местом, куда не могли добраться отголоски отвратительного скандала.

* * *

Однако тихие воды Стаффордшира таят немало сюрпризов, и не последним из них стала элегантная молодая женщина слева от него, с копной густых темных волос и изящной фигуркой, которую подчеркивали изысканные линии платья из серо-голубого шелка.

За рыбой Эш уже решил: как бы ни сложились обстоятельства, общение с миссис Ральстон может стать весьма и весьма приятным. Он получил истинное удовольствие, наблюдая, как она мило беседует с тетушками об их акварелях и вышивках.

Когда подали фазана, все это удовольствие начало работать против нее. Мысленно Эш сопоставил ее ответы о причинах своего здесь пребывания, еще ранее показавшиеся ему невнятными и неопределенными, с очевидным фактом, что мнимая миссис Ральстон слишком хороша для того, чтобы прозябать в провинции.

С тайной беспристрастностью он наблюдал за тем, как она отрезает мелкие ломтики фазаньего мяса. Подозрительно, что миссис Ральстон – прекрасная, богатая, обладающая изысканными манерами и благородным характером, столь привлекавшим тетушек, – появилась именно здесь, по соседству от Бедивера, и именно в то время, когда ему понадобилась наследница для спасения поместья.

Намерения отца казались все более и более очевидными. Своей прямоотой с ними могли соперничать разве что своднические махинации тетушек. И если бы Эш сам не являлся объектом этих весьма прозрачных брачных планов, он даже нашел их смешными. Милые старушки, не таясь, превозносили бесчисленные достоинства миссис Ральстон за каждым блюдом торжественного ужина. Правда, все мысли Эша невольно сходились к одному: если существует нечто слишком хорошее для того, чтобы быть правдой, значит, так оно и есть.

На протяжении всего ужина он пытался отыскать в ней дефект – дурные манеры, неспособность поддерживать беседу, раздражающие привычки. И с очевидным разочарованием вынужден был признать, что, несмотря на американское воспитание, она правильно пользуется приборами, без малейших усилий ведет легкую и непринужденную беседу и не имеет ни одной вредной привычки, которую бы мог заметить его критически настроенный глаз.

Это рождало в сознании логичный вопрос: что забыла *здесь* прелестная наследница? Весь его опыт кричал о том, что столь совершенный незамужний образчик женской привлекательности должен находиться в Лондоне, американка она или нет. Никаких явных причин, побудивших бы ее выбрать отшельническую жизнь в деревне, не существовало. И это само по себе не могло не заинтриговать Эша. Почему миссис Ральстон находится там, где не должна находиться?

На ум приходило два возможных ответа: либо скрывается, что влечет за собой ряд предосудительных выводов и последствий, либо охотница за наследством или, применительно к ситуации, скорее за титулом. Ибо это единственное наследство, которое еще мог принести Бедивер сегодня, и, видимо, она о том прекрасно осведомлена.

Сидящая подле него таинственная миссис Ральстон рассмеялась. Этот низкий, чуть с хрипотцой, горловой смешок словно специально предназначался для вечера и загадочного света свечей. Она покачала головой, реагируя на какое-то замечание Мелисанды, и приглушенный свет отразился от изящных бриллиантов ее сережек. Дорогие бриллианты. Прошло много времени с тех пор, как он мог позволить себе преподносить женщинам подобные подарки.

Драгоценные камни ярко поблескивали, создавая вокруг нее изысканную и утонченную атмосферу.

Ему очень легко было себе представить, как отец увлекся этой красоткой. И как бы ни пытался Марсбьюри убедить его в обратном, Эш был практически уверен, что миссис Ральстон намеревалась выйти замуж за отца до его вероятной кончины. Когда же ее стратегия провалилась, предпочла остаться в поместье и подождать, пока титул не окажется у вполне здорового второго сына, а потом иметь дело уже с ним. Вовсе не первый случай, когда женщины их круга продают себя за титул. Не надо быть немощным стариком, чтобы очарование миссис Ральстон вскружило голову. Что вполне подтверждает его растущее увлечение незваной гостьей.

Эш допил вино и отставил бокал в сторону. К черту постель и перезвон свадебных колокольчиков, стоило бы попытаться разоблачить ее тайны, прежде чем двигаться дальше. Подобная задача нравилась ему почти так же, как и разоблачение очаровательной леди в прямом смысле слова.

– Миссис Ральстон, возможно, вас не затруднит оказать любезность и прогуляться со мной в оранжерею. Похоже, я припоминаю, насколько очаровательно выглядит зимний сад в лунном свете. – Самое лучшее время для разоблачений.

Его предложение встретило восторженный отклик со стороны тетюшек, и Эш сразу представил себе, как они всей толпой направляются в оранжерею. Картина, имеющая мало общего с предполагаемым соблазнительным планом выведывания чужих секретов.

– Дженни существенно улучшила летний сад, – заметила Лавиния, – буквально спасла наши розы прошлым летом, когда на них напала тля. Смешала специальный состав для опрыскивания.

– О, в таком случае, миссис Ральстон, я просто не представляю, как вы можете отказаться. Пройдемте? – Эш поднялся, предлагая руку.

Они медленно брели по дорожке, почти касаясь друг друга, при каждом ее движении длинная юбка задевала штанины его узких брюк. От нее исходил аромат экзотического лимонного сорго и корицы, когда она шла с ним под руку. О, это был очень о многом говорящий букет запахов, сильно отличающийся от стандартной лавандовой или розовой воды лондонских дебютанток. Резкий пряный лимонный вкус никак не аромат невинности. Это духи настоящей женщины, умной и уверенной в себе.

При входе в оранжерею он опустил руку ей на талию, нежно подтолкнул вперед и не убрал, едва заметно поглаживая, словно внушая уверенность и доверие, которое он так надеялся от нее получить.

Интуиция его не обманула. Оранжерея и в самом деле оказалась прекрасной. Серебристые потоки лунного света проникали сквозь стеклянную крышу, в воздухе стоял насыщенный цветочный аромат. Где-то в отдалении журчал небольшой фонтанчик.

– Это мое самое любимое место в Бедивере.

Миссис Ральстон пыталась идти впереди него, ступая слишком быстро, надеясь, вероятно, отделаться от покоившейся на талии руки. Однако Эш немедленно сократил дистанцию, сделав широкий шаг и продолжая удерживать руку чуть ниже ее спины. Он заставил ее нервничать. Прекрасно.

И я вполне понимаю почему, миссис Ральстон. Просто прелестно!

Глава 4

Он определенно ее нервировал. Даже невинная дебютантка не поверила бы, что последняя ремарка относится к оранжерее. Учитывая то, как Бедивер буквально поедал ее глазами за столом, а потом подкрался, не дав подняться. Не говоря уже о руке, свободно гулявшей у нее на талии. Хуже, что его внимание возбудило ее.

– В этом месте жарко даже зимой. Стеклянная крыша позволяет получать тепло от солнца, – довольно бессвязно пробормотала она, движимая отчаянным стремлением уменьшить образовавшееся между ними напряжение. – Ваш отец любил бывать здесь, когда чувствовал себя достаточно хорошо. Мы с Генри привозили его сюда и вместе проводили всю вторую половину дня за чтением.

Внезапно она остановилась и обернулась к нему лицом, осознав, что еще не успела выразить свои соболезнования. Ранее было неловко, учитывая веселую атмосферу на импровизированном торжественном ужине.

– Я очень сожалею о вашей утрате. Ваш отец был хорошим человеком, храбрым мужчиной.

– Неужели? – Зеленые глаза Бедивера опасно сузились в очевидном неодобрении. – Прошу простить меня, миссис Ральстон, но я вовсе не нуждаюсь в рассказах посторонних о моем отце.

Человек, обладающий меньшей силой духа, смутился бы от этих ледяных слов. Дженивра лишь расправила плечи и стойко встретила его взгляд.

– Простите меня, я подумала, что знание того, что он умер хорошо, уменьшит вашу скорбь.

– Почему? Потому что меня здесь не было?

Вот оно, преступление, которое она вменяла еще за праздничным столом, – его отсутствие. Он даже не побеспокоился о том, чтобы вернуться домой. Как же неправильно, как ненормально то, что она, всего лишь незнакомка, недавняя соседка, знала о последних днях графа больше, чем собственный сын!

– Уверена, вы знали, насколько под конец граф был... был близок к концу.

– Это неудачный подбор слов или вы и в самом деле каламбурили, миссис Ральстон? – Саркастическое выражение аристократически вылепленной нижней челюсти и мрачный взгляд как нельзя лучше соответствовали его неподвижной, сурово нависшей над ней фигуре.

Дженивра разозлилась. Красавчик он или нет, но с его стороны в высшей степени дурно думать, будто она способна заниматься пустым словоблудием во время весьма деликатного разговора.

– Нет. Это вышло ненамеренно. А ваше отсутствие? Намеренно, я имею в виду?

В его глазах зажглись опасные огоньки, хотя голос звучал подозрительно тихо, словно предвещающая грозу.

– Должен проинформировать вас, миссис Ральстон, что нахожу эту тему неприличной для беседы между двумя едва знакомыми людьми.

Она гордо задрала вверх подбородок, ее холодный тон вовсе не выражал сожаления.

– Прошу простить меня за неподобающее поведение.

Он снова внимательно посмотрел на нее, недавняя суровость сменилась на нечто более хищное.

– Не кривите душой, миссис Ральстон. Не надо говорить то, что вы не имеете в виду. – На его губах появилась едва заметная порочная усмешка. Проклятый Бедивер раскусил ее, догадавшись, что она и не думала извиняться.

– А вам, сэр, не следовало бы вступать в пререкания с леди. – Дженивра решила высказать ему все без экивоков.

– Интересно, почему?

Он подошел ближе, и его чистый мужской запах заполнил все ее чувства, а столь тесное соседство лишь подчеркивало достоинства атлетической фигуры. Мужское естество словно кричало о себе, и ей некуда было скрыться. Дженивра прислонилась к каменной скамейке. Как же это не похоже на минуты наедине с Генри. О, тот превосходный компаньон, удобный, никогда не подавляющий ее своим присутствием. С ним она не чувствовала и намека на беспокойство, не говоря уже о мурашках и нервическом ознобе, охватившем ее сейчас.

– Потому что вы джентльмен.

По крайней мере, одет именно так. Находясь в непосредственной близости от него, Дженивра могла по достоинству оценить безупречно сшитый фрак, подчеркивающий широкие плечи, и насыщенный бордовый оттенок шелкового жилета, но сомневалась, что с джентльменами ее круга Бедивера роднит что-нибудь, кроме одежды.

– Вы уверены? – Голос его прозвучал низко, и Дженни внезапно обнаружила, что он накручивает на палец ее длинный локон. Эш порочно ухмыльнулся, продолжая внимательно изучать ее лицо, скользя взглядом по шее и ниже. Все ее чувства опасно напряглись.

– Нет, – вымолвила она хриплым дрожащим шепотом, уже не уверенная и не понимавшая, каким образом они дошли до обсуждения подобных вопросов. Ведь начали разговаривать о его отце. Ему же как-то удалось перевести беседу от утешительных соболезнований к совершенно иной теме, гораздо более соблазнительной и личной.

– Прекрасно, поскольку я могу придумать значительно более приятный способ провести время при луне, чем вступать в бесполезные споры, а вы?

Следующее же его движение глубоко потрясло Дженни. Прежде чем она успела осмыслить происходящее, его рука, теплая и ласкающая, оказалась у нее на шее, притягивая, давая губам возможность овладеть ее устами в горячем поцелуе, пославшем волны жара по всему телу.

Поцелуй стал настоящим вызовом, она ответила на него без дополнительных понуканий. Этот самонадеянный мужчина слишком уверен в себе. Ему, видимо, доставляло особое удовольствие сознание того, что она не полностью контролирует ситуацию. Бедивер коснулся языком ее язычка, и поцелуй превратился в неистовый поединок. Его вкус, насыщенного красного вина, пьянил, оставаясь на губах. Руки приятно согревали ее, лаская сквозь тонкий шелк платья, поглаживая, прижимая к нему, давая ощутить твердые очертания мускулистой фигуры, прочувствовать грешное и соблазнительное приглашение напряженного тела. Дженивра откинула назад голову, позволяя горячим губам спуститься на ее шею. Отнюдь не робкий поцелуй рафинированного денди. Нет, таким поцелуем мог одарить лишь настоящий мужчина, сведущий в искусстве любви. Поцелуй, обещающий продолжение. Словно кричащий о том, что она не будет разочарована, если примет его предложение.

Ее руки обвились вокруг его шеи, Дженивра глубоко вдохнула мужской аромат. Если бы искушение имело запах, он был бы именно таким: терпкая смесь сандалового дерева и ванили в сочетании с чистым ароматом свежeweыглаженной ткани. Дженни легко коснулась губами мочки его уха, вызвав чисто мужское довольное урчание. Значит, не только она одурманена чувственным поединком.

Неожиданно Эш отступил назад, отпуская ее. Его дымчато-зеленые глаза привлекли ее внимание. Обрамленные длинными мягкими черными ресницами, зеленые радужки, напротив, казались мрачными, когда он смотрел на нее. Не похоже на глаза мужчины, охваченного желанием, пусть тело и свидетельствует об обратном.

– Не имею понятия, что вы здесь делаете, миссис Ральстон, но обязательно узнаю.

– Что заставляет вас думать, будто я вообще «что-то» делаю?

– Женщина не целуется так, как только что целовались вы, если не хочет чего-то добиться. Очень хочет.

Ей понадобилось какое-то время, чтобы осознать, о чем он говорит, настолько неожиданным оказалось замечание.

– Если бы я была джентльменом, вызвала бы вас на дуэль за эти слова. – Дженивру едва не трясло от гнева. Еще никогда ее так не оскорбляли. И если он не побережется, она таки его вызовет.

– Мы только что установили, что в данный момент здесь нет джентльменов, – протянул Эш. – А вы, миссис Ральстон, далеко не леди.

Дженивру застыла на месте, характер все-таки взял свое. Пусть она не может швырнуть перчатку ему в лицо, остается другой выход. Не говоря ни слова, она залепила пощечину.

Уже позже, размышляя бессонной ночью о случившемся, Дженивру осознала, что ударила Эша Бедивера не только за его предосудительное поведение, но и за свое собственное. Ей следовало остаться безразличной к его поцелую. Вместо этого она настолько взволновалась, что приказала заложить экипаж и устремилась домой. Нет, она не проведет больше ни одной ночи под одной крышей с Бедивером.

Дженивру продолжала ругать себя, ворочаясь в постели, не в силах уснуть, пока наконец не прекратила самобичевание и не поднялась на заре. Все еще мысленно раздумывая над своим поведением, она наблюдала, как за окном занимается рассвет.

Можно было бы назвать несколько причин, побудивших ее уступить Эшу. Во-первых, некая внезапность. Она не ожидала с его стороны подобной дерзости. Во-вторых, одиночество. Компания престарелых тетюшек да Генри – вот и весь круг ее общения. Эту часть Стаффордшира сложно назвать эпицентром светской жизни.

Существовало множество оправданий минутной слабости, ни одно из них не в силах изменить горькой реальности. Она позволила возобладать над собой собственному своеволию и стремлению к независимости. Он поманил ее, и она поддалась, не в силах противостоять вызову. Мистер Бедивер снова проверял ее, как и несколько раз до того в застольной беседе, и она не ожидала подобного экзамена. Думала, что он испытывает ее на храбрость. Лишь услышав оскорбительные слова, поняла, что Эш все еще пытается найти ответы на вопросы: почему она оказалась именно в этом месте и с какой стати его отец отписал некоей миссис Ральстон контрольную долю в управлении поместьем? Ответ на его вызов был не лучшим способом развеять опасения Бедивера.

Дженивру надеялась, что пощечина столь же очевидно выразила ее намерения, как и пылкие взгляды мистера Бедивера. Он чистой воды обольститель, привыкший получать все, что пожелает. Однако ему не удастся соблазнить ее расстаться со своей долей. Его игра слишком топорна, слишком очевидна, несмотря на мгновенное ослепление и замешательство, в которое ее вогнали его поцелуи. Да, следует признать, никогда и никто не возбуждал ее столь полно и внезапно. Опасно поддаваться подобным эмоциям. Поцелуи способны затуманить разум женщины, заставить забыть о реальности. Она уже усвоила этот урок с Филиппом. Тот хотел ее из-за капитала отца. Бедивер же хочет присвоить себе ее долю в опекуновском управлении.

Дженивру позвонила, чтобы приготовили платье. Спорить с собой из-за поцелуя – занятие бесплодное и пустое. Необходимо заняться чем-нибудь полезным, развеять воспоминания прошлой ночи. Работа в саду и наблюдение за благоустройством парка прекрасно отвлекут от треволнений.

Глава 5

Генри искренне жаждал как-нибудь отвлечься. Птица, что ли, врезалась бы в роскошную стеклянную дверь, ведущую на террасу дома его патрона, слуга бы пролил горячий кофе кому-нибудь на колени. Да что угодно, в самом деле, лишь бы это заставило уважаемых джентльменов отвести от него глаза. Завтрак не самое его любимое время дня, особенно когда предстояло сообщить плохие новости. Глаза всех сидящих за изысканно сервированным столом были прикованы к его персоне. С едой давно уже было покончено. Настало время обсудить дела, ради которых радушный хозяин, мистер Маркус Трент, пригласил всех сегодня.

– Итак, Беннингтон, мы уже отведали копченой рыбы и ветчины. Пора приступать к основному блюду, поведай-ка нам, как прошло вчера оглашение завещания. Надеюсь, ты теперь счастливый обладатель опекунства?

Трент представлял собой некий образчик розовощекого торговца с грубоватыми манерами, обычными в деловой среде. Его представления о чести и конкуренции были родом совсем из иного мира, тайного и опасного мира трущоб и воровских притонов, где каждый привык добиваться желаемого при помощи ножа и пули. Какие бы внешние атрибуты благосостояния ни окружали Трента, он не был джентльменом. Еще в самом начале их взаимовыгодного знакомства Генри пришел к выводу, что не следует досаждать ему или приводить в дурное расположение духа. Сейчас Беннингтон опасался, что недалек от этого.

– Есть хорошие новости, – бодро начал Генри. – Как я вам и говорил, мой дядя добился передачи поместья в опекунское управление. – Им следует помнить, что хоть в чем-то он прав. Если бы не он, они лишились бы и такого шанса.

Трент угрожающе прищурился:

– Кто опекун, Беннингтон?

Генри взглянул на четверых других мужчин, ощущая их все возрастающую обеспокоенность и вместе с тем столь же сильно увеличивающееся к нему недоверие. Он был единственным чужаком в этой компании. Сидевшие за столом уже давно проворачивали разного рода делишки.

– Опекунами названы сразу трое упомянутых в завещании наследников: мой кузен, я и американка миссис Ральстон. Каждый из нас получил долевое участие в управлении помещением.

– И какова ваша доля? – поинтересовался из дальнего угла стола мистер Эллингсон, казначей компании.

– Четыре процента, – ответил Генри с видом оскорбленной гордости. Всю ночь он злился, вспоминая столь очевидно выраженное неуважение к своей особе. Да как посмел дядя отписать ему так мало после того, как он целый год преданно за ним ухаживал! Однако будь Генри Беннингтон проклят, если покажет этим инвесторам-головорезам свое разочарование. Он углубился в детали, рассказывая о долях в управлении помещением, переданных Эшу и Дженивре, в то время как Эллингсон продолжал внимательно следить за ним, складывая в голове озвученные цифры.

– Это совсем не то, о чем мы договаривались, – заявил Трент после того, как Генри закончил. – Ты виртуозно плел нам, будто Бедивер не собирается возвращаться домой, захочет продать свою долю, ему вообще еще очень повезет, если он получит хоть что-нибудь после того, как ты вотрешься в доверие к дядюшке.

Собравшиеся одобрительно загудели. Генри едва поборол желание смущенно поежиться. Он заблуждался относительно Эша, и в этом корень всех его неприятностей. Беннингтон готов был держать пари, что Бедивер не вернется домой.

Эллингсон высказал общее мнение:

– Остается единственный выход. Беннингтон должен женить на себе вдовушку Ральстон. Брак предоставит ему контрольную долю в управлении поместьем. На правах законного супруга он получит все ей причитающееся, что даст искомые пятьдесят пять процентов.

Трент одобрительно кивнул:

– Да, девчонка Ральстон нам подходит.

Генри внезапно осознал, куда зашла беседа, и почувствовал, как кровь стынет в жилах. Они фактически приняли решение о женитьбе, его женитьбе, будто это простое и малозначительное дело.

– Всегда остается возможность того, что она мне откажет, – попытался подстраховаться Генри.

За столом раздался дружный взрыв хохота.

– Ты такой красавчик, Беннингтон, как можно тебе отказать? – Сидящий рядом мужчина фамильярно похлопал его по спине, Трент бросил на стол мешочек с золотыми гинееями:

– Купи ей какую-нибудь красивую безделушку, и уже покончим с этим, Беннингтон. Лишь ее согласие отделяет нас от несказанного богатства. стыдно провалить дело, когда все почти заматано. – Трент оглядел присутствующих. – Встретимся снова через неделю и посмотрим, как продвигаются дела у нашего Ромео.

Генри улыбнулся, кладя в карман мешочек золотых, однако не упустил смысла последнего заявления Трента. Ему дана неделя на то, чтобы заполнить согласие на брак женщины, на которой он бы никогда не женился по собственной воле. Да, после вчерашнего дня его перспективы на будущее стремительно потускнели.

Генри возвращался домой окольной дорогой, чтобы успеть обдумать свои планы. Стоит переодеться, затем направиться с визитом к Дженивре. При мысли о необходимости ухаживать за ней он почувствовал, как во рту стало кисло. Да, Генри поддерживал дружбу с ней во время болезни графа, чтобы порадовать дядю. Старик, похоже, души не чаял в прелестной американке. Однако сам Беннингтон прекрасно осознавал, насколько она откровенна, далека от идеала покорной и послушной жены. Американка никогда бы не позволила полностью распоряжаться своими деньгами, даже если бы им повезло и она в него влюбилась. Ему пришлось бы кланяться у нее каждый шиллинг. Все равно что выпрашивать у отца содержание. «Тем не менее оно того стоит», – напомнил себе Генри. Это немалый куш.

Как он и предполагал, глубокая яма, вырытая четыре года назад в окрестностях Бедивера, показала наличие в земле достаточного количества лигнита, бурого угля, свидетельствовавшего о подземных залежах. Похоже, они обнаружили богатейшее месторождение каменного угля в Одли, части Стаффордшира, известной не только своими знаменитыми садами и хмелем. Возможность приобретения подобного богатства потребовала бы немало усилий и расходов, а люди, с которыми он вошел в соглашение, на них не скупились. Получалось, основные риски и неприятности в их «дружной» компании ложились на него. Трент с товарищами исправно снабжали Генри деньгами, но на этом все и заканчивалось. Именно ему пришлось провести год с больным стариком, да и сейчас не Трент и его головорезы должны жертвовать собой ради ненавистного брака.

Однако следует сосредоточиться на цели. Сегодня он займется ухаживанием и будет помнить, что все это не должно продлиться долго.

Денек выдался просто ужасный, а ведь еще не было и двух часов. Эш запустил растопыренные пальцы в густую шевелюру, не заботясь о том, что взлохмаченные волосы встали дыбом, и откинулся на спинку кожаного кресла. По крайней мере, он оказался наконец в одиночестве в тиши кабинета и смог спокойно подумать. Тем для размышлений более чем достаточно, непонятно, с чего начать.

Он провел утро, внимательно изучая бухгалтерские книги, в которых велись записи доходов и расходов поместья, предполагая, что удастся обнаружить хоть какой-нибудь остаток денежных средств. Стоит ли начинать восстановление поместья с садов, или лучше приступить к ремонту самых сильно запущенных комнат? А может быть, и вовсе не заниматься домом. Не разумнее ли отремонтировать несколько мелких ферм арендаторов, чтобы обеспечить стабильный доход?

Эш опустил голову на руки. Он и понятия не имел, как управлять имением, а спросить было некого, за исключением Генри. Однако скорее ад замерзнет, чем он воспользуется этой возможностью. Эш захлопнул массивный грессбук в кожаном переплете. Цифры в колонках не сходились, а тут еще и неоплаченные счета. Лошади, проданные прошлой осенью, определенно не могли стоить так дешево. Сумма, обозначенная в приходно-расходной книге, составляла ровно половину реальной стоимости. Отец всегда держал отличных лошадей и знал им цену.

Эш поднял голову. И все-таки утро не прошло совсем впустую. Он сделал то, что должен, относительно счетов, которых накопилось достаточно, написав всем кредиторам, что вскоре долги будут уплачены. Он не представлял еще как, но им об этом знать не следовало.

Он также отправил несколько писем в Лондон. Одним из них было личное письмо ближайшему другу Джейми Бурку с просьбой разузнать все о прошлом Дженивры Ральстон, а также найти тех, кто с ней знаком. Такой капитал не мог остаться без внимания светского общества, невзирая на национальную принадлежность наследницы. Если Эшу придется жениться на американке, надо знать, кто она, не тянется ли за ее именем шлейф давнего скандала. Возможно, ей удалось скрыть некрасивые подробности от его отца. Миссис Ральстон вскоре убедится, что он гораздо более опытен и практичен, чем пожилой граф.

Второе письмо также касалось денег. Эш справлялся относительно возможности займа, какой бы призрачной та ни была. У него не осталось иллюзий. Если он не сможет представить доказательства единоличного права на управление поместьем, ни один банк не выдаст кредит.

«Ну и что с того?» – подначивал дьявол, притаившийся за левым плечом. «Если ты не получил поместье, какое тебе дело до того, что оно разорится и будет продано за долги? Если Бедивер нужен Генри, пусть он и решает, что делать. Если же поместье приглянулось миссис Ральстон, продай ей свою долю и покончи наконец с этим».

«Так будет правильно», – ответил из-за другого плеча ангел.

«Потому что это мой дом», – подумал Эш. Всю жизнь он пытался доказать неправоту отца. Желал убедиться, что покойный граф ошибался и в этом случае. Да, у него были разногласия с отцом, из-за чего Эш покинул родной дом много лет назад. Однако не хотелось думать о том, что отец настолько ненавидел его или не верил в его силы и даже пожелал отобрать Бедивер. Опять-таки отец не мог предположить постигшее Алекса несчастье. Граф вовсе не нуждался в своем втором сыне и не рассматривал его кандидатуру как вероятного владельца фамильного поместья. Ах, если бы удалось поговорить с отцом еще раз, объяснить причины, вызвавшие его уход.

Спрятавшийся за плечом дьявол был недоволен: «Если хочешь спасти Бедивер, прекрати рыться в бухгалтерских книгах, в которых ни черта не смыслишь, займись прекрасной наследницей из Ситон-Холла. Тебе нужны деньги, а у нее их целая куча».

Дженивра Ральстон.

Похоже, мысли рано или поздно возвращались к ее персоне. Она обладала достаточно примечательной внешностью и характером, чтобы заставить мужчину заняться ее тайнами. И не важно, была ли она бесстыдной охотницей за состоянием или женщиной, скрывавшейся от какого-то скандала. И то и другое предвещало неприятности. Вопрос лишь в том, насколько он будет терпим к ним, принимая во внимание ее деньги. А уж неприятностей им не избежать. Подтверждением тому прошлый вечер.

Эш и мечтать не мог, что миссис Ральстон столь страстно ответит на его знаки внимания. Он хотел лишь предупредить, что она играет с мужчиной гораздо опытнее ее в искусстве флирта. Он знал женщин и легко разгадывал их игры, любил женщин, но это вовсе не означало, что доверял им. Изящные леди оказывались столь же жестокими, как и мужчины, когда дело доходило до личных интересов.

Голова просто раскалывалась от боли. А ведь поместье не единственное дело, которое надлежало уладить. Все эти эмоции, которые он не ожидал испытать, ответы, в которых столь отчаянно нуждался. Что же на самом деле произошло в Бедивере в его отсутствие? Что случилось с братом? Следовало бы найти время и навестить Алекса, хотя его и ужасала сама перспектива подобного визита.

Раздумья прервал резкий стук, и в приоткрывшейся двери показалась Мелисанда:

– Вот ты где, Эштон. – Только тетушки звали его так. Далеко от привычного из уст лондонских дам Эша⁴. Прелестницы всех мастей утверждали, будто он способен испепелить дотла одним лишь взглядом зеленых глаз. – Ты закрылся в этой комнатухе уже несколько часов, – неодобрительно закудаhtала Мелисанда. – Тебе следует отправиться на прогулку верхом. В это время года невозможно предугадать, когда погода ухудшится, так что надо ловить счастливый момент. – Тетушка уселась в кресло. Оно казалось невероятно большим, создавалось впечатление, будто старая рухлядь проглотила маленькую леди. Преклонный возраст сделал Мелисанду еще более миниатюрной, чем он помнил, хотя и не менее проницательной. Она окинула взглядом грессбухи. – Пытаешься разобраться со всем этим? В ее вопросе звучала затаенная надежда. Ей так хотелось услышать, что все будет хорошо и он обнаружил тайник с золотыми монетами или ошибку в подсчетах, которая вернет им былое благосостояние. Эш не мог упрекнуть ее в этом. Он и сам, садясь за книги утром, втайне надеялся на чудо, все еще не в силах поверить, будто богатства Бедивера пропали.

Эш ободряюще улыбнулся:

– Чудес в книгах не оказалось. Однако мы создадим собственное чудо, даю слово. – Он обязательно придумает, как сдержать его, несмотря на жалящие уколы невыполненных или невыполненных обещаний, омрачавших прошлое. Теперь ему есть за что постоять. Только сейчас Эш начал понимать, что не только он в ответе за свои поступки.

– Дженни станет нашим чудом, Эштон, – заметила Мелисанда с откровенной уверенностью, столь далекой от его циничных размышлений на сей счет.

Он не хотел спорить с тетушкой, равно как и знать, что известно его домочадцам о последней воле отца. Выказала ли Мелисанда замечание, исходя из уже почти нескрываемых усилий устроить между ними брачный союз или предполагая, что коммерческие способности Дженни смогут спасти поместье? Эш пожал плечами.

Уклончивого кивка для тетушки оказалось недостаточно. Мелисанда наклонилась ближе к нему и заметила с очевидным нажимом:

– Дженни. Мы все ее любим, и твой отец очень высоко ее ценил. Она – именно та, кого хотим мы. – Он никогда не слышал, чтобы его деликатная тетушка высказывалась столь требовательно. По крайней мере эта вспышка подтверждает ее мотивы. Она со всей определенностью высказывалась за этот брак, не зная о содержании завещания отца, руководствуясь лишь своими мотивами.

– Она может не захотеть меня, – осмелился возразить Эш.

– Захочет. Когда надо, ты можешь быть просто неотразимым, Эштон. – Ему стало стыдно. Тетушка Мелисанда говорила это от всего сердца, помня милого мальчика и симпатичного юношу. Она и понятия не имела, насколько «неотразимым» мужчиной он стал и как научился торговать своим очарованием.

⁴ Зола, пепел (от *англ.* ash).

Мелисанда пододвинула к нему через стол сверток в коричневой оберточной бумаге:

– Поскольку ты собирался отправиться на прогулку, я подумала, что ты можешь завезти это в Ситон-Холл. Вот тебе повод для визита и надлежащих извинений.

– Извинений за что, тетушка? – непонимающе протянул Эш.

– За то, что ты сделал с ней прошлым вечером, чем бы то ни было. Дженни слишком хорошо воспитана, чтобы жаловаться, однако она настолько быстро покинула дом, что мы прекрасно поняли, что что-то случилось. Я даже не успела ей это передать. – Мелисанда ободряюще похлопала его по руке. – Искренние извинения смягчат сердце любой женщины, Эштон. Твоему двоюродному дедушке всегда удавалось меня разжалобить. Женщина способна многое простить, если мужчина ее о том попросит.

– А если нет? – поддразнил ее Эш, беря сверток.

Мелисанда подмигнула:

– Тогда мы также можем сделать многое, только вряд ли вам это понравится. – Она поднялась с кресла. – Я скажу конюшему, чтобы подавал тебе лошадь через двадцать минут.

Она вышла, закрыв за собой дверь, Эш невольно улыбнулся. Он оказался бессилён против хитрого плана семидесятитрёхлетней тетушки. Такой хрупкой и деликатной.

Двадцать минут спустя Эш седлал Рекса. Сам он ни за что не выбрал бы Ситон-Холл в качестве цели поездки после событий предыдущей ночи. «Однако, – с определенной долей злорадства подумал Эш, – будет даже интересно, как очаровательная миссис Ральстон поведет себя после вчерашней пощечины».

Он ослабил поводья и пустил Рекса в карьер через простирившиеся перед ним луга. Взяв первое препятствие в виде каменной изгороди, Эш почувствовал, как пьянящий порыв свежего ветра холодит лицо. Перепрыгнув еще через одну загородку, он издал вопль наслаждения. Да уж, в Лондоне нет таких барьеров. Любой способный провести лошадь по широкой дорожке Гайд-парка уже считался наездником, но для того, чтобы скакать через изгороди в чистом поле, требовалось умение подлинного мастера.

Эш выехал на дорогу, ведущую к Ситон-Холлу, и перевел Рекса на шаг. Никто в Лондоне и представить не смог бы Бедивера сельским помещиком. Прошло много времени с тех пор, как он сам думал о себе в данном качестве, тем не менее, как бы Эш ни замалчивал или не замечал правду, от нее невозможно скрыться. Под модными нарядами и утонченными манерами скрывался грубоватый и спокойный стаффордширец. Как и он, Стаффордшир часто потрясал своими противоречиями. Земля графства была переполнена угольными шахтами и крупными предприятиями, однако оставалась уголком буколической сельской природы с полями и пастбищами. И безусловно, знаменитыми садами и парками. К сожалению, за последние годы Бедиверу было нечем похвастаться в этом отношении, а вот Ситон-Холл с лихвой наверстал упущенное прежде первенство. Роли поменялись. Благодаря внимательному глазу и звонкой монете Дженивры Ральстон он превратился в настоящую жемчужину графства, тогда как элегантный прежде Бедивер лежал в руинах.

Эш прищиприл коня, с одобрением подмечая подстриженные газоны старинного парка, клумбы, на которых уже успели проклюнуться первые ростки весенних цветов. Спустя несколько месяцев эти клумбы будут полны живых красок. Некогда Бедивер выглядел так же. Эш почувствовал укол ревности. Как же он хотел, чтобы родное поместье снова стало прежним! Однако все это глупости и напрасные траты, по крайней мере в нынешнем году. Неразумно спустить все деньги на красивые сады, когда надо платить долги и кормить домочадцев. Возможно, потом, если удастся получить заем. Теперь же все упиралось в финансы, даже вероятная женитьба. Обладая только собственными средствами, без значительных капиталовложений, он мог сделать совсем немного. Брак же с миссис Ральстон открывал бесчисленные перспективы – еще одна причина продать себя ради брака, организованного отцом.

Эш вздохнул. Причины для женитьбы действительно весомые. Его же желание свободы, права на выбор, когда дошло до этого дело, показались удивительно жалкими и незначительными по сравнению с преимуществами брака по расчету.

У входа в дом ему сообщили, что миссис Ральстон в дальних садах, и указали на прелестную гостиную в центре дома, где он мог ее дожидаться. Если считать эту комнату показателем благосостояния Ситон-Холла, американка управлялась с финансами очень даже неплохо. Кремово-желтая краска на стенах совсем свежая, белая лепнина только что покрашена. Подушки на желто-голубой, обитой блестящим шелком софе заманчиво-мягкие. И в довершение всего у стены стояло фортепьяно.

Эш задумчиво коснулся пальцами клавиш, отмечая полный насыщенный звук. Должно быть, инструмент совсем новый, если на нем струны Бабкока⁵. Любопытство все-таки взяло верх, Эш нежно открыл крышку инструмента и заглянул внутрь. Он почувствовал давнее, столь хорошо знакомое ему волнение. О да, перекрещенные струны проходят через резонансные центры рамы. Бедивер был не в силах устоять, присел на стул и принялся играть. Он чувствовал себя хорошо, свободно. Его некому судить, ему некого впечатлять. Сегодня Эш играл только для себя.

⁵ В 1825 году А. Бабкок в Бостоне в числе первых стал производить фортепьяно с литой чугунной рамой, что позволило использовать более толстые струны и, таким образом, дало возможность сильно их натягивать, в результате чего инструмент приобрел более мощное звучание. В 1830 году Бабкок изобрел систему перекрестного натяжения струн, при котором басовые и тройные струны проходили через резонансные центры рамы.

Глава 6

Бедивер здесь! От одной только мысли об этом у нее сводило обычно крепкий желудок. Что говорят мужчине, который накануне получил от тебя пощечину? «Мне жаль. Надеюсь, сегодня щека болит у вас не так сильно?» Очевидно, удар оказался неэффективным. По крайней мере, не помешал ему явиться в Ситон-Холл. А что она? Возится в саду в старом простеньком платье, отчаянно пытаюсь позабыть, что случилось прошлой ночью. В сущности, ничего особо примечательного.

Однако если она намерена встретиться с Эшем Бедивером, следует выглядеть достойно. Дженивра надела любимое дневное муслиновое платье, зеленое с мелкими белыми цветочками по всему фону, – наряд, который украшал ее, внушая уверенность. Быстро проведя расческой по волосам, постаралась избавиться от садового мусора, который мог там застрять. Не следует давать повод зеленоглазому повесе снова дотронуться до ее волос, даже под предлогом снять листик, запутавшийся в прическе.

Дженивра все еще перебирала в уме возможные учтивые приветствия, стоя на лестнице, когда услышала музыку. О, она была прекрасна! Какая лирическая мелодия! Мастерство исполнения многократно превышало ее скромные способности. Никто не сообщил ей, что мистер Бедивер привел с собой гостя.

Дженивра удивленно остановилась на пороге гостиной. Никакого гостя. Виртуозным пианистом оказался сам Бедивер. Он сидел к ней спиной, она наслаждалась преимуществами своего положения, восхищенно рассматривая его широкие плечи и густые, небрежно рассыпавшиеся волнистые волосы, практически скрывавшие воротник. Они были чуть длиннее, чем того требовала мода, однако в полной мере ему соответствовали.

Пьеса окончилась, и Дженивра искренне заплодировала. Он словно очнулся от своих дум, отвлеченный неожиданным шумом.

– Пожалуйста, продолжайте. – Облегченно вздохнув, Дженивра присела на диванчик. Музыка дала возможность завязать беседу без неудобства. Самой ей вряд ли удалось бы избежать неловкости, памятуя события прошлой ночи. – К сожалению, фортепьяно используется не слишком часто, однако я решила, что оно обязательно мне понадобится для музыкальных вечеров. Хотя, должна признаться, несмотря на добрые намерения, мы еще не устроили ни одного подобного мероприятия.

Он покачал головой:

– Спасибо, я играл достаточно. Прекрасный инструмент. Совсем новый, судя по струнам. Вы сами-то играете, миссис Ральстон?

– Весьма посредственно, – честно ответила Дженивра. – Но я рада, что инструмент оказался действительно хорош.

– Подойдите ближе, и я покажу вам насколько. – Бедивер повернулся к ней, приглашая составить ему компанию.

Она преодолела разделявшее их расстояние, не в силах противостоять волнению, охватившему его. От него исходил аромат свежего ветра и ванили, комбинация, действующая просто опьяняюще в сочетании с мужчиной, определенным мужчиной.

– Эти струны принадлежат Бабкоку, он запатентовал их несколько лет назад. Они толще, чем обычные, что значительно усиливает звук. – Бедивер коснулся струны, демонстрируя звуковой эффект. – И теперь мастера, изготавливающие фортепьяно, переключивают струны деки, чтобы добиться большего резонанса.

О, да и она сама уже его чувствовала.

– Вы сложный человек, мистер Бедивер. Я не знала.

– Пожалуйста, зовите меня Эш, если вас это не затруднит.

Дженивра услышала знакомый еще со вчерашнего вечера угрожающе спокойный тон.

– Конечно. – Она решила не вникать. Совсем не хотелось портить столь хрупкое перемирие, едва установившееся после вчерашней ссоры. – Вы останетесь на чай?

Она не ждала ответа, потянувшись за колокольчиком. Это Англия. Здесь все остаются на чай.

– Я должен перед вами извиниться за то, что явился столь неожиданно, однако у меня кое-что для вас есть. – Эш присел на кушетку и протянул ей небольшой сверток.

Подарок от него? Вероятно, извинение за свое недопустимое поведение? О, джентльмен обязан попытаться загладить вину. Ощущая некоторое волнение, Дженивра принялась развязывать ленточку. Днем Бедивер выглядел более цивилизованно.

– Мелисанда попросила меня передать это вам.

– Конечно. – Волнение прошло. Естественно, подарок не от него. Он не джентльмен, а награжденные пощечиной мужчины не склонны одаривать в ответ подарками. Дженивра улыбнулась, скрывая невольную ошибку. – Должно быть, последний образчик вышивок Мелисанды. – Она развернула салфетку. – Передайте тетушке, что вещица прелестна. Ее обязательно купят на ярмарке этой весной.

– Прошу прощения? – Он был застигнут врасплох, что немедленно отразилось на лице. Темные брови сердито сошлись к переносице, глаза задумчиво прищурились.

– Разве они вам не рассказали? – Дженивра сложила салфетку. – Мелисанда и остальные ваши тетушки продают свои рукоделия на местных ярмарках. Повар даже посылает на продажу парочку банок варенья. Прошлым летом, например, им все очень хорошо удалось.

– Мои тетушки продают на ярмарках поделки? – Во взгляде Эша скептицизм тесно соседствовал с едва сдерживаемой яростью. – Как торговцы?

Дженивра спокойно приняла выпад:

– Да, как торговцы. Как, впрочем, весь нормальный мир. Далеко не все обладают столь тонченной организацией, как британские джентльмены, слоняющиеся по Лондону в поисках развлечений.

Эш стиснул зубы, нижняя челюсть пульсировала от едва сдерживаемого гнева. Хрупкое перемирие, установившееся благодаря музыке, рухнуло.

– И чья это была идея? – прорычал он, к счастью решив оставить без внимания другие оскорбления, которые она столь изящно ввернула в свою речь.

– Моя, – ответила Дженивра, радуясь, что наконец-то подали поднос с чайными принадлежностями. Чем не повод завершить неприятный разговор?

Однако Эш не был готов поступить как уважающий себя джентльмен.

– С какой стати вы решили предложить нечто подобное? – Недоверие в голосе сквозило настолько осязаемо, что его практически можно было пощупать. Он взял чашку с чаем. Дженивра быстро осмотрела себя, убеждаясь, что не дрожат руки.

– У них не было денег, а вас оказалось невозможно разыскать. – Она позволила одержать победу своему взрывному характеру. – Леди пришлось предпринять кое-что самостоятельно, и им это очень даже удалось. Ваши тетушки слишком горды, чтобы принять от меня даже фартинг. Если угодно, люди любят покупать вещицы, сделанные руками аристократов. Это весьма прибыльное занятие. Гораздо более лестно приобретать платки, вышитые настоящей леди.

Брови Эша приподнялись.

– Да-да, и весьма недешево, надеюсь? И все равно им придется продать целую кучу платочков и варенья, чтобы содержать Бедивер.

Дженивра нахмурилась. Он упустил из виду самый важный побудительный мотив их трудов.

– Дело не в деньгах. Мы готовимся расширить ассортимент наших «поделок» этим летом на ярмарке в Бери-Сент-Эдмендс, и тетушки все в предвкушении.

– Нет, нам готовиться не к чему. Я дома, и нужда в подобных мероприятиях полностью отпадает, – твердо заявил Эш.

Дженивра поставила чашку на поднос и окинула его внимательным взглядом. Она вовсе не желала снова с ним спорить, намереваясь оставаться в рамках светских приличий.

– Я с вами не согласна. Это необходимо прежде всего самим тетушкам. Дело не в деньгах. Пожилые леди хотят чувствовать себя полезными. Это дает им некую цель, помогает сознавать, что и они внесли свой посильный вклад.

– Они английские леди, миссис Ральстон. Не знаю, осведомлены ли вы в достаточной степени, что это значит.

– Они люди. Понимаете ли вы, что это такое? Сомневаюсь.

Стук копыт по гравию садовой дорожки нарушил внезапно наступившую неловкую тишину. Она взглянула в окно и почувствовала волну облегчения.

– О, это Генри. Я прикажу подать еще чаю.

Генри уж точно знает, как себя вести со своим обидчивым и раздражительным кузеном. У нее же пока это мало получается. Возможно, тому виной его горящие глаза и нечестивая ухмылка, которой достаточно лишь мелькнуть на аристократически вылепленных губах, чтобы угасшие воспоминания об украденном поцелуе возродились с новой силой. Господь свидетель, трезво мыслить в таких условиях определенно невозможно!

Генри вошел в гостиную с чарующей улыбкой на устах, немедленно увядшей, стоило ему заметить кузена.

– Не ожидал встретить тебя здесь. Я заехал по пути узнать, не захочет ли Дженивра совершить со мной прогулку в деревню. – Генри повернулся к ней лицом, всем своим видом игнорируя Эша. – Да, у меня прекрасные новости, из Лондона прибыла посылка с ежемесячно заказываемыми мной книжными новинками. Я подумал, тебе будет приятно на них взглянуть. Но, вижу, у тебя уже есть компания. – Если она и рассматривала Генри в роли буфера между ней и Эшем, то очень быстро поняла, что просчиталась. Мистер Беннингтон даже не пытался скрыть переполнявшую его обиду и разочарование. За многие месяцы личного знакомства Дженивра ни разу не замечала, вплоть до вчерашнего дня, чтобы Генри столь открыто демонстрировал дурные манеры. Теперь же во второй раз становилась свидетелем отвратительного поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.